

СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ И ПРИХОД К ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В РОССИИ В 1917 г.

Шмид Марек

доктор философии, доцент; доцент кафедры истории церкви и истории литературы

Карлового университета, г. Прага

E-mail: smidma@seznam.cz

Scopus Author ID: 55606414100

<http://orcid.org/0000-0001-8613-8673>

В исследовании рассматриваются взаимоотношения Святого Престола и России с приходом к власти большевиков в 1917 г. во времена большевистской революции. Обладая знаниями материалов Ватиканского архива и зарубежной литературы, автор воссоздает взгляд представителей Ватикана на революционные события в Восточной Европе, которые изменили не только саму Россию, но и мир XX века. После отречения царя Николая II в марте 1917 г. Временное правительство, которое пришло к власти, не смогло остановить общий распад и разрушение российского общества. После краткого интермеццо в ноябре того же года в Петербурге вспыхнуло восстание, свергло временное правительство и привело к власти большевиков во главе с В. Лениным. Основываясь на дипломатических отчетах, которые связаны с событиями на рубеже 1916/1917 гг. И поступили от различных апостольских нунциатур в Западной Европе, в исследовании рассматриваются политические и экономические изменения в России. Следует подчеркнуть, что падение династии Романовых дало ватиканским кругам надежду на то, что ближайшее будущее ослабит православие, традиционную поддержку царского режима, так что некоторые кардиналы римской курии даже открыто рассматривали обращение России в католицизм. После государственного переворота осенью 1917 г. большевики начали антицерковный террор, который открыто направили на католическую иерархию, которую они назвали наднациональной духовной сверхдержавой, отвергающей коммунизм. Церкви и монастыри по всей стране были разграблены и постепенно закрыты, их жители оказались либо на эшафотах, либо, в лучшем случае, в тюрьме. К концу 1918 г. более 3000 священников и верующих из всех христианских церквей были убиты по приказу большевистского правительства. Религия была заменена материализмом, и атеизм стал новой верой. Фактически, отсутствие информации о том, что происходило в стране, привело к недооценке приходящего коммунистического режима Святейшим Престолом, или, скорее, к нереалистичным ожиданиям распространения католицизма в регионе, где традиционное русское православие пришло в упадок. Более того, представители Ватикана, как и многие европейские правительства, считали, что диктатура большевиков в России временная, и верили в ее раннее падение. Хотя они хорошо знали о его материалистическом и атеистическом характере, они долгое время не рассматривали его в качестве неизбежной угрозы католицизму на европейском континенте во время его возникновения.

Ключевые слова: большевики, католицизм, Святой Престол, римская курия, русское православие, Ватикан.

СВЯТИЙ ПРЕСТОЛ І ПРИХІД ДО ВЛАДИ БІЛЬШОВИКІВ В РОСІЇ У 1917 р.

Шмід Марек

доктор філософії, доцент; доцент кафедри історії церкви та історії літератури

Карлового університету, м. Прага

У дослідженні розглядаються взаємини Святого Престолу і Росії з приходом до влади більшовиків в 1917 р. внаслідок більшовицької революції. Володіючи знаннями матеріалів Ватиканського архіву і зарубіжної літератури, автор відтворює погляд представників Ватикану на революційні події в Східній Європі, які змінили не тільки саму Росію, а й світ XX століття. Після зречення царя Миколи II в березні 1917 р. Тимчасовий уряд, який прийшов до влади, не зміг зупинити загальний розпад і руйнування російського суспільства. Після короткого інтермеццо в листопаді того ж року в Петербурзі спалахнуло повстання, яке скинуло Тимчасовий уряд і привело до влади більшовиків на чолі з В. Леніним. Грунтуючись на дипломатичних звітах, які пов'язані з подіями на рубежі 1916/1917 рр. і надійшли від різних Апостольських Нунциатур в Західній Європі, в дослідженні розглядаються політичні та економічні зміни в Росії. Слід підкреслити, що падіння династії Романових дало ватиканським колам надію на те, що найближче майбутнє послабить православ'я, традиційну підтримку царського режиму, так що деякі кардинали римської курії навіть відкрито розглядали звернення Росії в католицизм. Після державного перевороту восени 1917 р. більшовики почали антицерковний терор, який відкрито направили на католицьку ієрархію, яку вони назвали наднаціональною духовною наддержавою, що відкидає комунізм. Церкви і монастирі по всій країні були розграбовані і поступово закриті, їх насельники відправилися або на ешафот, або, в кращому випадку, в тюрми. До кінця 1918 р. більше

3000 священників і віруючих з усіх християнських церков були вбиті за наказом більшовицького уряду. Релігія була замінена матеріалізмом, і атеїзм став новою вірою. Фактично, відсутність інформації про те, що відбувалося в країні, привело до недооцінки встановленого комуністичного режиму Святішим Престолом, або, скоріше, до нереалістичних очікувань поширення католицизму в регіоні, де традиційне російське православ'я прийшло в занепад. Більш того, представники Ватикану, як і багато європейських урядів, вважали, що диктатура більшовиків в Росії тимчасова, і вірили в її раннє падіння. Хоча вони добре знали про його матеріалістичний і атеїстичний характер, вони довгий час не розглядали його як неминучу загрозу католицизму на європейському континенті під час його виникнення.

Ключові слова: більшовики, католицизм, Святий Престол, римська курія, російське православ'я, Ватикан.

Постановка проблеми. Начиная уже с XIX века дипломатические отношения между Ватиканом и Россией развивались не самым идеальным образом. После Польского восстания в 1863 г., в котором принимало участие большое количество католических священников, в 60 – 70-х годах XIX века отношения между двумя государствами были прерваны. Католики подвергались депортации в Сибирь и Казахстан, по указу царя закрывались монастыри, конфисковалось церковное имущество, католикам запрещалось владеть землей. Среди **последних работ**, касающихся данного исследования следует выделить следующих авторов – Алана Баллока, Филиппа Шено, Дениса Дана, Оскара Крейчи, Яна Микрута и других. Главными источниками, на которые опирается автор, это документы архивов Ватикана. **Целью** статьи является изучением отношения Святого Престола и большевиков в России. Главными **задачами** исследования автор видит исследование причин, ход и последствий отношений между Римским престолом и большевиками в 1917 г.

Изложение основного материала. Итак, отношения между католиками и большевиками имели довольно сложную предысторию. Переход из православия в другое вероисповедание в Российской империи считался уголовным преступлением и карался смертью. Реакцией на эти жесткие меры стала энциклика *Dovete* папы Пия IX (1792 – 1878, понтификат 1846 – 1878), изданная в октябре 1867 г., в которой понтифик призывал молиться за гонимую в России церковь. Дипломатические отношения были восстановлены только при Александре III (1845 – 1894, правление 1881 – 1894) после заключения конкордата в декабре 1882 г., когда Россия назначила своего первого дипломатического представителя при Святом Престоле [Veber, 2000, s. 68; Vock, 1961, s. 291-293].

Однако вопреки заключению конкордата со Святым Престолом царь Александр III продолжал антикатолическую политику своих предшественников. Царь подтвердил, что дети от смешанных браков с православными обязаны стать православными. В течение десяти лет в семь раз увеличилось количество православных приходских школ, с 4 500 (1882) до 32 000 (1894). Сохранялось традиционное недоверие к национальным меньшинствам, что нашло свое отражение и в религиозной сфере. При Александре III усилился политический террор, более жестким стало вмешательство правительства в дела церкви, что в наибольшей степени проявлялось в форме неприятия всех неправославных вероисповеданий. Каждый католик

автоматически становился подозрительным, каждый католический священник автоматически считался агентом Ватикана. Властвующие круги видели в католицизме причину большинства русских проблем [Dunn, 2017, p. 59-60]. Некоторому улучшению отношений между Святым Престолом и Российской Империей поспособствовал обмен дружественными нотами между папой и царем в 1887 году. Это открыло новый этап в дипломатических контактах между двумя государствами, хотя, за исключением вопроса преследования церкви в России, общих тем для переговоров у сторон не было.

После смерти Александра III в 1894 г. на престол вззошел его сын Николай II (1868 – 1918, правление 1894 – 1917). Несмотря на свою глубокую набожность, новый царь так никогда и не понял значения религии для обеспечения социальной стабильности в современном ему государстве. Он продолжал контролировать православие, проявляя традиционную неприязнь к католикам. В отношении нерусских народов, прежде всего поляков, литовцев и украинцев, Николай II также продолжал проверенную политику русификации. Лишь после революционных событий 1905 г. царь издал указ о свободе вероисповедания (указ «Об укреплении начал веротерпимости»), который не только гарантировал свободу вероисповедания, но и позволял православным безнаказанно переходить в католическую веру. У католиков было 1 158 прихода и 333 церковные структуры, при этом в их распоряжении находилось 1 359 костелов и часовен, где служило 2 149 священников и сотни монахинь [Mikrut, 2017, s. 192].

Традиционная антипатия Святого Престола в отношении русского православия не иссякла и после вступления на папский престол папы Пия X в 1903 г. Дипломатическому сближению препятствовал традиционно враждебный настрой православной церкви к другим религиям, в связи, с чем она отказалась принять апостольского нунция в качестве дипломатического представителя Святого Престола. Подобное неприятие проявлялось в отношении представителей других церквей и со стороны сановников Ватикана. Из-за большой численности поляков-католиков, а также поляков, белорусов, украинцев и прибалтов, являвшихся прихожанами униатской церкви, русские цари смотрели на них со значительной степенью недоверия. Царское правительство стремилось прекратить всяческие прямые контакты Рима с католическими епископами в Российской империи [Pollard, 2001, s. 221]. В то же время, в консервативных кругах Ватикана Россия веками воспринималась как враг католической

церкви – антикатолические выпады российского режима и его приверженность православию Европа ощутила на себе и в ходе российского продвижения на запад в 1914 – 1915 гг. Правительственным кругам имперской России Ватикан попросту не верил [Morozzo della Rocca, 1990, s. 162; Engel-Janosi, 1960, s. 125; Hachey, 1972, s. 3; Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien, Fond Politische Berichte IX, Karton 255, Schönburg-Hartenstein 30. 3. 1917; Valiani, 1985, s. 131].

Во времена Первой Мировой войны на территории Российской империи существовало пять католических епархий (Могилев, Минск, Каменец, Житомир и Тирасполь) с более чем 150 приходами. Прихожанами католической церкви считали себя почти 1 600 000 верующих. К 1917 г. в России служило 900 католических священников и монахов, 60 из них – в столице Петрограде. Благодаря своей деятельности церковь смогла заслужить уважение среди обывателей, но недоверие русских царей, в связи, с чем она подвергалась все более сильной русификации [Babiuchova-Luxmone, 2003, s. 27; Morozzo della Rocca, 1990, s. 152]. Как отмечалось выше, католицизм в России был религией национальных меньшинств, но не религией русского народа. В 1917 г. из общего числа католиков в России 950 000 составляли поляки, 400 000 белорусы, 30 000 украинцы и русины, 48 000 армяне, 35 000 грузины и 100 000 представители других национальностей. Католические приходы существовали практически по всей России – от прихода Св. Петра и Павла в Архангельске на Белом море до приходов в Сибири и Ташкенте [Grajewsky, 1997, s. 37].

На основании дипломатических сообщений, полученных Святым Престолом на рубеже 1916/1917 гг. от отдельных апостольских нунциатур в Западной Европе, можно предположить, что политические и хозяйственные изменения в царской России, изнуренной Первой Мировой войной, а также бесконечными восстаниями и забастовками, были вполне ожидаемы. Так, например, неофициальный представитель Святого Престола в Швейцарии и доверенное лицо папы Франческо Маркетти Сельваджани (1871 – 1951) в январе 1917 г. практически пророчески говорил: «Современная внутренняя борьба может закончиться революцией, революцией думы. Экономическая ситуация, как говорят, очень серьезная. В стране нет порядка, не хватает транспорта, при этом дорогая жизнь» [Archivio Storico. AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 17, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 24. 1. 1917; Doria, 2006, s. 58]. Тремя днями позднее он писал о словах одного швейцарского дипломата о том, что «ситуация в России подобна ситуации во Франции накануне Великой французской революции» [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 19, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 27. 1. 1917]. Анархию, царящую в стране, где между собой борются либеральные и консервативные политические силы, в темных тонах описывал также апостольский нунций в Мюнхене Джузеппе Аверса (1862 – 1917), которому рассказал о ней немецкий христианский политик и доверенное лицо Ватикана

Маттиас Эрцбергер (1875 – 1921). Все, с кем беседовал нунций, будь то немецкий канцлер Георг фон Гертлинг (1843 – 1919), дипломат Густав Групп фон Боглен (1870 – 1950) или Маттиас Эрцбергер, все, кто находился в контакте с русским миром, сходились во мнении, что «в настоящее время вопросами России заниматься нецелесообразно» [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 52, Aversa Gasparrimu 9. 2. 1917].

Первая мировая война также поспособствовала радикализации Российской социал-демократической рабочей партии, которая начиная с XIX века основывалась на принципах марксизма. Представляющий радикальное крыло партии Владимир Ильич Ленин (1870 – 1924), с упором на учение К. Маркса о диктатуре пролетариата, империализме и социалистической революции, отвергал парламентаризм и демократию. При этом, Ленин стремился к захвату власти посредством вооруженного переворота, организованного узкой группой профессиональных революционеров без сотрудничества с другими либеральными партиями. В 1912 г. ленинская фракция большевиков окончательно отделилась от социальных демократов и стала полностью самостоятельной. Во время большевистской революции 1917 г. в партии состояло 20 000-40 000 человек. Через год фракция большевиков была переименована в Российскую Коммунистическую партию (большевиков), а еще через семь лет – во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). В мае 1917 г. В. И. Ленин создал так называемое политбюро – руководящий орган партии в числе четырех человек. Помимо Ленина в него вошли Лев Борисович Каменев (1883 – 1936), Григорий Евсеевич Зиновьев (1883 – 1936) и Иосиф Виссарионович Сталин (1878 – 1953) [Bullock, 2008, s. 15].

Мы уже говорили о традиционно натянутых дипломатических отношениях Святого Престола и Российской империи до 1917 г., столь же неприязненным было и отношение Святого Престола к политической идеологии коммунизма. Первым официальным документом католической церкви о коммунизме стала энциклика Пия IX *Qui pluribus*, выпущенная еще в ноябре 1846 г. Целью данного документа была не столько открытая защита со стороны католической церкви частной собственности, сколько осуждение революционных идей, разлагающих европейское общество. Именно поэтому впоследствии она послужила основой для уточненного социального учения церкви, в частности такого значимого документа как *Rerum novarum* (1891) [Barberini, 2007, s. 3].

Преемник Пия IX Лев XIII (1810 – 1903, понтификат 1878 – 1903) продолжил антикоммунистическую линию своего предшественника. В декабре 1878 г. в энциклике *Quod apostolici muneris* он назвал коммунизм «губительной чумой, стремящейся проникнуть в мозг человеческого общества, и тем самым приводящего его к гибели» [Pospisil, 2015, s. 81]. О последователях коммунизма он говорил как о «секте людей, выступающих под разными почти варварскими именами, именуемых

социалистами, коммунистами или нигилистами, злобствующее движение которых возникло благодаря учениям, призывающим к непримиримой борьбе против католической церкви во имя разума» [Lora-Simionati, 1997, s. 33]. Сторонники коммунизма, по словам папы, это те, кто «согласно Священному Писанию оскверняют плоть, злословят начальства и отвергают высокие власти» [Послание Иуды 8]. Не почитают естественное единство мужчины и женщины, которое почитали даже варвары, и ослабляют или даже разрушают супружеские союзы ради похоти и вожделения, для которых, как им кажется, в обществе, и существуют семьи» [Lora-Simionati, 1997, s. 34-35]. Глава католической церкви воспринимал социализм, коммунизм и нигилизм как три аспекта одной и той же извращенной идеологии, противостоящей здоровым моральным ценностям, естественным институтам и принципам авторитета и собственности.

Основных претензий к социалистическому движению у Льва XIII было две. Социализм стремился к полному равенству всех людей, что, по мысли папы, было невозможно, и пропагандировал классовую борьбу, что являлось по-настоящему губительным. Лев XIII настаивал на необходимости создания под эгидой католической церкви рабочих организаций, которые, будучи построенными на принципах братства, должны были стать эффективным инструментом для преодоления социальной пропасти. В то время, как система либерализма позволяла корыстолюбцам обирать своих ближних, папа напоминал, что и рабочий человек обладает человеческим достоинством, высшим проявлением которого является достоинство христианское. Человека нельзя судить лишь по его работоспособности, необходимо рассматривать его как существо моральное, обладающее определенными духовными потребностями [Bahounek, 1991, s. 15-16]. Основным принципом Льва XIII стало утверждение о том, что социальные слои в процессе как естественного, так и исторического развития не противостоят друг другу, а, напротив, составляют гармоничное единство, подобное частям единого организма. Богатые и бедные нужны друг другу: капитал не может обойтись без труда, а труд – без капитала. Поэтому, решение, согласно церковной науке, заключается не в ликвидации частной собственности, а в имущественной эмансипации наиболее бедных слоев населения, которым наличие даже небольшого имущества позволило бы избавиться зависимости от капиталистов [Kownacki, 1991, s. 431].

Сквозь ту же оптику папа рассматривал и причины Первой Мировой войны. В качестве первопричин он называл не политические амбиции отдельных держав, а такие тяжкие провинности, как, например, недостаток взаимной любви между людьми, пренебрежение авторитетами, несправедливые отношения между отдельными социальными классами, погоню за эфемерным благосостоянием как единственную цель человеческого существования, сопровождающуюся утратой христи-

анских принципов. Также папа полагал, что двигателем войны послужила и сложившаяся экономическая ситуация, когда Великобритания ощутила угрозу со стороны растущей немецкой торговли в Европе. Виной всему был, по мнению папы, обостренный национализм солдат каждой из воюющих сторон, убеждавший их в справедливости борьбы против неприятельской агрессии. Католики тоже верили в то, что война ведется во имя защиты правопорядка, справедливости, правды и христианства, при этом воюющие стороны не считали зазорным проводить исторические параллели даже со средневековыми крестовыми походами [Benedikt XV, s. 8-9, Paolini, 2008, s. 41; Scotta, 2009, s. 47].

Таким образом, Святой Престол считал коммунизм идеей фальшивого искупления, лживым идеалом справедливости, равенства и братства в материальных благах и труде, обманчивым мистицизмом, который своим прямолинейным материализмом, безбожностью, попранием человеческой свободы, отрицанием индивидуальности, отрицанием качественной иерархии и данных Богом моральных устоев дискредитировал основные авторитеты, частную собственность, семью, супружество и т.д. Отрицание исходило, в первую очередь, из рефлексии политической идеологии как гуманизма без человечности и без Бога, которая была совершенно не допустима. С приходом коммунистов к власти в России возникла угроза перерастания напряженности в отношениях в открытый дипломатический конфликт.

Бесконечные забастовки, инфляция, дезертирство из армии, проблемы со снабжением, продовольственный кризис и падение авторитета царской власти в марте 1917 г. привели к свержению царского режима, падению правительства Голицына и провозглашению республики. После возвращения с фронта Николай II попытался как-то исправить ситуацию, однако, на улицы с протестом вышли тысячи людей, а разложившаяся армия оказалась уже не в состоянии взять ситуацию под контроль. 15 марта царь подписал манифест об отречении. Святой Престол практически сразу же был проинформирован о случившемся. Уже через два дня неофициальный представитель Ватикана в Швейцарии и доверенное лицо папы Франческа Маркетти Селваджани (1871 – 1951) в письме из Берна, адресованном государственному секретарю Пьетро Гаспарри (1852 – 1934), сообщил об отречении царя [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 55, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 17. 3. 1917]. 20 марта правительство приняло решение о взятии под домашний арест Николая II, его супругу Александру Федоровну (1872 – 1918) и их приближенных в Александровском дворце в Царском селе под Петроградом. В конце лета 1917 г. царская семья была отправлена в сибирский город Тобольск, а весной следующего года – перевезена на Урал в Екатеринбург [Veber, 2000, s. 445, 446-447]. Правление Романовых в России, длившееся триста четыре года, подошло к концу.

Хаотические изменения в ста семидесяти-

миллионной стране, деморализация, изнурительная мировая война, сильная социалистическая агитация и импровизации нового демократического режима во многом повлияли на частую смену правительств: за восемь месяцев сменилось несколько кабинетов. Сначала во главе Временного правительства стоял Георгий Львов (1861 – 1925), в июле его сменил – Александр Федорович Керенский (1881 – 1970). Новый министр иностранных дел Павел Николаевич Миллюков (1859 – 1943) проинформировал Святой Престол об отречении Николая II от престола и формировании временного правительства 18 марта 1917 г. [Karlov, 2006, s. 101-102]. Попытки правительства компенсировать провалы во внутренней политике успехами на фронте не возымели успеха: после провала наступления на немцев начала разлагаться и армия. Недостаток репрессивных сил, в особенности – надежных армейских и полицейских подразделений, не позволял новому режиму жестко подавить социалистическую оппозицию, представляемую, прежде всего, петроградским советом [Veber, 2003, s. 15].

Падение династии Романовых дало Ватикану надежду на скорое ослабление православия – традиционной опоры царского режима, – некоторые кардиналы Римской курии даже открыто рассуждали о конверсии России в католицизм или, по крайней мере, об усилении униатства. Эти надежды подпитывались, помимо прочего, предложением правительства Керенского об установлении дипломатических контактов и некоторыми послаблениями в политико-религиозной сфере, связанными с широкой амнистией марта 1917 г. [Pollard, 2001, s. 221]. Святой Престол внимательно следил за революционной ситуацией в России, стараясь собрать наиболее полную информацию для внесения ясности в происходящее. 25 апреля 1917 г. секретарь апостольской нунциатуры в Мюнхене Лоренцо Шиоппа (1871 – 1935) в письме государственному секретарю П. Гаспарри сообщил о состоявшемся несколько дней назад разговоре с евангелистским пастором и либеральным политиком Фридрихом Науманом (1860 – 1919), рассказавшем ему о реальном положении дел в стране. Свое внимание он сосредоточил, прежде всего, на разложении в армии: «В сегодняшней русской армии нет ни дисциплины, ни морального духа, солдаты тянутся к социалистам, уже 15 дней они не получают пайков. Солдаты в жалком положении, они устали, плохо одеты, голодают и болеют. Они сдаются неприятелю, считая на данный момент это наилучшим решением» [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 344, f. 4, Aversa Gasparrimu 25. 3. 1917]. Святой Престол, таким образом, оказывался перед лицом совершенно иной ситуации.

В течение краткого периода послаблений представителям Ватикана удалось добиться освобождения львовского архиепископа восточного ритуала А. А. Шептицкого, высланного из центра своей епархии в расположенный в центральной России Курск. Также удалось получить согласие Временного правительства на возвращение епископа

Эдуарда Михаэля фон дер Роппа (1851 – 1939) на пост главы Вильнюсской епархии, который он вынужден был покинуть в 1907 г. – через три года после своего назначения епископом. Тем временем папа Бенедикт XV (1854 – 1922, понтификат 1914 – 1922) в июле 1917 г. встретился с префектами конгрегаций, затронутых событиями в России, для совместного обсуждения существующей ситуации. Было принято решение о том, что Э. М. фон дер Ропп, пользовавшийся среди католиков римского обряда в России наибольшим уважением, возглавит крупное могилевское архиепископство, а польский церковный сановник Зигмунд Лозинский (1870 – 1932) станет епископом реструктуризированной минской епархии. Новости о происходящем в России были, однако, настолько отрывочны, что представители Ватикана вынуждены были с нетерпением ожидать реляций представителей церкви на востоке, в частности Э. М. фон дер Роппа, чтобы составить более четкое представление о происходящем. Папа также думал о направлении на восток дипломатического представителя Святого Престола, который смог бы оценить ситуацию в России на месте и высказать предположения о ее дальнейшем развитии [Morozzo della Rocca, 1990, s. 152-153].

После марта 1917 г. Временное правительство в отношениях с католической церковью пошло на значительно большие уступки, нежели когда-либо это делала царская власть. 13 мая православным было разрешено переходить в католичество, спустя неделю католическая церковь получила право владеть и распоряжаться церковными зданиями. Глава могилевской епархии Ян Цепляк (1857 – 1926) был поставлен охридским епископом. Наконец, правительство позволило провести 28 мая в храме Св. Кaterины в Петрограде первый собор русской униатской церкви. Ее главой на соборе был избран Леонид Федоров (1879 – 1935) [Dunn, 2017, s. 64]. 14 июля правительство провозгласило право на свободу вероисповедания, а 26 числа того же месяца признало, что Святой Престол может назначать епископов и апостольских администраторов без согласования с правительством. Церковь получила право на создание семинарий, печатных органов, школ и религиозных обществ. В конечном итоге, ей было возвращено и конфискованное царским правительством имущество. Ватикан надеялся, что отмена всех ограничений в отношении католиков приведет к нормализации религиозной жизни в России. Однако большинство решений Временного правительства так и осталось на бумаге, правительству не хватило авторитета и времени, чтобы претворить данные изменения в жизнь. К тому же, многие изменения сталкивались с традиционным отпором со стороны представителей православной церкви, как это случилось, например, в вопросе свободы совести [Karlov, 2006, s. 103-105].

Ватикан воспринимал русскую революцию как продолжение Великой французской революции, идеи которой ослабили традиционную иерархию общества, разрушили его консервативный характер и способствовали секуляризации европейского

общества в XIX веке, став, таким образом, выражением разрушения и краха [Chenaux, 2012, s. 15-16]. Мысли об усилении католичества на востоке, будь то в России или Османской империи, привели папу Бенедикта XV к решению о созыве 1 мая 1917 г. Конгрегации восточной церкви, а затем, 15 октября того же года, к созданию Папского восточного института. В результате первого шага вопросы восточного обряда были переданы из компетенции Конгрегации распространения веры к новой Конгрегации восточной церкви. В результате второго мероприятия в Риме появился духовный центр распространения веры на востоке. Решение папы не было импровизацией, напротив, оно стало итогом многолетнего интереса к проблемам христианского Востока, пик которого пришелся на середину XIX столетия [Riccardi, 1990, s. 87].

Неспокойной ситуацией в стране летом 1917 г. воспользовались большевики, совершившие неуспешную попытку государственного переворота. Святой Престол узнал об этом через своих дипломатических представителей в Мюнхене и Берне. Перед арестом лидерам революционеров во главе с В. И. Лениным удалось скрыться в Финляндии, где они впоследствии дожидались благоприятных условий для своего возвращения. Посредством значительной финансовой помощи Германии большевики усилили давление печати на Временное правительство, яростно критиковавшееся на страницах большевистских газет и листовок [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 344, f. 20, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 2. 6. 1917, resp. f. 25, Pacelli Gasparrimu 2. 7. 1917]. Неуспешным оказались и августовские антиправительственные выступления генерала Лавра Георгиевича Корнилова (1870 – 1918), который стремился к восстановлению порядка и жестокому подавлению революционных радикалов. Жесткой дисциплине большевиков не смогло противостоять и обновленное временное правительство во главе с А. Ф. Керенским, которое постепенно растеряло общественную поддержку, так как большевики умело манипулировали общественным мнением при помощи демагогических лозунгов, играли на чувстве усталости от непопулярной и неуспешной войны, а также, не в последнюю очередь, эффективно использовали финансовую помощь немецких секретных служб, которым необходимо было завершить войну на восточном фронте для скорейшей переброски войск в Западную Европу [Lee, 2003, s. 57].

Большевистский переворот, торжественно именованный во времена коммунизма Великой Октябрьской социалистической революцией, не был, по сути, ни великой, ни октябрьской, ни социалистической революцией, и даже не революцией вовсе. Это был путч или контрреволюция фанатиков-революционеров, направленная против демократического правительства, пришедшего к власти в результате первой революции 1917 г. [Paune, 1996, s. 76]. Временное правительство, заседавшее в Зимнем дворце в центре Петрограда, было арестовано горсткой преданных коммунистической идее людей и заменено на новое

правительство народных комиссаров во главе с В. И. Лениным, в которое вначале, кстати говоря, входили сразу шесть министров эсеров. По мнению историка В. Вебера, главной бедой этого правительства стало отсутствие у большевиков конструктивной программы. В. И. Ленин импровизировал, создавая ее в крайней спешке, прямо по ходу событий. Несмотря на то, что летом 1917 г. Ленин написал книгу «Государство и революция», в реалиях русской революции он не только не руководствовался написанным, но зачастую поступал с точностью до наоборот [Service, 2002, s. 262].

Несмотря на проведенные 25 ноября 1917 г. парламентские выборы, в которых большевики, благодаря постоянному запугиванию своих политических оппонентов, получили 23,9 % голосов (168 из 703 мандатов), уже в середине января следующего года В. И. Ленин подписал декрет о роспуске данного собрания – *именем революционной диктатуры*. По мнению историка Й. Баберовски, причиной большевистской революции стал взрыв недовольства среди фрустрированных масс, изгнавших из страны ее европейский дух. Очевидно, что большевики одержали победу не потому, что выступили за свободу народа, а потому, что уничтожили последние остатки государственного порядка. На практике их программой стало уничтожение [Lee, 2003, s. 71].

Для успокоения ситуации в стране большевики выпустили декреты о мире и о земле, обещавшие радикальные изменения сложившегося порядка в пользу советской республики с диктатурой рабочих, крестьянских и солдатских советов. В действительности, однако, была введена диктатура одной партии и ее органов – верховного совета и позднее политбюро из пяти человек. При этом, какое бы то ни было проявление несогласия или самостоятельности немилосердно каралось террором. Тайная полиция, так называемая *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров*, известная как *ЧК* и возглавляемая Феликсом Эдмундовичем Дзержинским (1877 – 1926) стала самым влиятельным органом в стране. Чтобы развязать себе руки во внутренней политике ленинское временное правительство рабочих и крестьян 15 декабря 1917 г. подписало с Германией перемирие [Krejčí, 2017, s. 183, 185].

Уже в первые месяцы своей власти большевистский режим издал серию нормативных актов, ограничивавших религиозную жизнь в России. 11 ноября 1917 г. было запрещено преподавание религии в школах, все церковные образовательные учреждения были национализированы. Месяц спустя единственной официально признаваемой формой брака стал брак гражданский. Присутствие священников в армии и флоте упразднило январский декрет 1918 г. В том же месяце был выпущен декрет об отделении церкви от государства, что на практике – под прикрытием реализации принципа свободы совести, – означало начало кампании по конфискации церковного имущества *в пользу народа*.

Данный декрет сильно поспособствовал гонениям на церковь, которая отныне оказалась в ситуации прямого преследования. Духовным лицам запретили участвовать в какой-либо общественной деятельности за исключением богослужений. Государство конфисковало у церкви все имущество, отняло школы, закрыло благотворительные организации. В течение нескольких часов большевики выгнали монахов и монахинь из монастырей, заставили священнослужителей покинуть церковные здания [Becker, 2006, s. 186]. Эти жесткие шаги поспособствовали формированию так называемой «домашней церкви» – семейных сообществ, регулярно собиравшихся для совместной молитвы, чтения Писания и размышлений. Данная практика приобрела большое значение в 1930-х гг., когда режим нацелился на полную ликвидацию религиозной жизни в стране [Grajewsky, 1997, s. 14-15].

В последующие месяцы и годы грустной обыденностью революционной России стали вооруженные нападения на процессии, закрытие монастырей и осквернение мощей святых. Толпы пьяных революционеров громили монастыри и храмы (одним из первых был разграблен храм в московском Кремле), оскверняли мощи, убивали священнослужителей. В июле 1918 г. священнослужители и монашествующие были лишены избирательного права [Zubov, 2014, s. 510-511]. Насилие большевиков в отношении представителей церкви очень эмоционально описал российский историк Андрей Борисович Зубов (1952): *«При отступлении Белой армии отсталась оставив свою паству владыка Сильвестр — он остался в Омске. Большевики сразу же после взятия города арестовали архиепископа. В течение двух месяцев его истязали, требуя «раскаяния» и отречения от Бога. Ничего не добившись, безбожники подвергли святителя жестокой и мучительной смерти. Прибив его руки гвоздями к полу и таким образом распяв, долгое время раскалёнными шомполами прижигали его тело и в заключении раскалённым докрасна шомполом пронзили сердце. [...] В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архиепископ Сильвестр был причислен к лику святых»* [Zubov, 2014, s. 628].

Враждебность коммунистов к религии особенно проявилась в отношении католической церкви, которая рассматривалась как главное препятствие для распространения коммунистических идей. Для пришедших к власти большевиков Рим представлял собой главного врага России, что было созвучно и традиционной царской доктрине относительно католической веры [Dunn, 2017, s. 73]. Анти-церковный террор большевистского режима начался в феврале 1918 г. с открытого выступления против церковной иерархии, которую большевики называли примером наднациональной духовной власти, отрицаемой коммунизмом. Советский режим действовал по иерархическому принципу. В первую очередь необходимо было уничтожить высших иерархов – преимущественно священников польского происхождения, затем – простых церковно-

служителей и отдельных верующих. Католический архиепископ Э. М. фон дер Ропп относительно январских указов Ленина в условиях нарастающих репрессий против православной церкви занял выжидательную позицию: он избегал публичного осуждения декрета об отделении церкви от государства и не высказывался в печати. Католическая церковь проявила недовольство только в августе 1918 г., когда народный комиссар юстиции Георгий Оппоков (1888 – 1938) отдал распоряжение о том, чтобы богослужения в национализированных костелах проводились исключительно после согласования с местными советами. Когда же Э. М. фон дер Ропп в знак протеста направил жалобу в Москву, комиссар юстиции вызвал его для беседы [Stehle, 1981, s. 16-17].

Костелы и монастыри по всей стране разграблялись и закрывались, их насельников ожидал либо смертный приговор, либо, если посчастливится, тюремное заключение. До конца 1918 г. на основании распоряжения большевистского правительства было уничтожено более 3.000 священников и монахов [Modesto, 1969, s. 662]. Недавнее крушение царского режима превратило церковь в беззащитную и слабую организацию, что, собственно говоря, и было целью большевиков – религия заменялась материализмом, новой верой стал атеизм. Преподавание религии в школах было запрещено, все образовательные учреждения были национализированы. Церковь и религиозные общества утратили юридическую субъектность, и, следовательно, потеряли право владеть собственностью. Несмотря на это, репрессии продолжали усиливаться: в 1919 г. законодательно был ликвидирован культ реликвий, двумя годами позже для всех проповедей и выступлений священнослужителей была введена цензура [Gajewsky, 1997, s. 17].

Тяжелые условия жизни католиков в России описаны и в письмах экзарха Л. Федорова, датированных началом 1919 года: *«Мы всецело заняты борьбой за выживание. К голоду и холоду добавились новые испытания – ширится сытной тиф... Я считаю чудом Божьим, что я до сих пор жив и что жива еще наша церковь. Множество русских католиков умирает от недоедания. Некоторые бегут, спасаясь от холода и голода»* [Riccardi, 2014, s. 51]. Эти слова подтверждает и тираспольский епископ Иосиф Алоис Кесслер (1862 – 1933). В декабре того же года он писал: *«С Божьей помощью мы уже освобождены от большевиков. В нашей области было убито четыре наших священника. Множество костелов осквернено и разграблено, в двух из них сорвали и растоптали святыни. Бандиты сожгли несколько приходов, было убито множество верующих католиков. Сейчас нам не хватает зерна и еды, сложно описать, насколько сильно не хватает. Нет слов, чтобы описать, какое зло нас постигло, и какие страдания нам приходится переносить»* [Riccardi, 2014, s. 51-52].

Не успела страна опомниться от военного кровопролития, как оказалась в хаосе гражданской войны – одной из самых кровавых в истории,

сопровождавшейся обезлюдиванием городов, национализацией, централизацией и директивным управлением всей экономикой со стороны импровизирующего большевистского режима. Во главе формирующейся Красной армии в середине марта 1918 г. в должности народного комиссара обороны встал Лев Давыдович Троцкий (1879 – 1940), незадолго до этого покинувший пост министра иностранных дел. В течение короткого времени его армия достигла численности 300 000 человек. [Veber, 2003, s. 60-62].

Автором первого доклада о России во время гражданской войны стал немецкий политик М. Эрцбергер. Несмотря на то, что личного опыта он не имел, в основу его сообщений легли доверительные рассказы его петроградских друзей, с которыми он встретился в ходе поездки в Стокгольм. Текст был передан секретарю апостольской нунциатуры в Мюнхене Л. Шиоппа, который в свою очередь 1 августа 1918 г. переслал его государственному секретарю П. Гаспарри. На десяти страницах доклада немецкий политик рассказывал о ситуации в России, чередуя оптимизм и отчаяние. По его мнению, без компромиссов с политической оппозицией положение большевиков проигрышное. Ситуацию в стране он описывал как напряженную и непонятную, состоятельные слои населения, по его словам, надеялись на военное вмешательство Германии, Великобритании, Соединенных Штатов и Японии. Большие надежды он возлагал на талантливого техника и экономического организатора Леонида Борисовича Красина (1870 – 1926), талантливого дипломата, журналиста, выпускника Политехнического университета в Харькове, работавшего до Февральской революции 1917 г. на заводе «Сименс» в Берлине. Именно опытный Л. Б. Красин, имевший личные контакты среди партийных функционеров, мог, по мнению Эрцбергера, воплотить созидательную силу большевистской революции, отказавшись от несистематического вмешательства в социально-экономические отношения [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 345, ff. 17-24, Schioppa Gasparrimu 1. 4. 1918].

Еще один доклад о положении дел в России направил Святому Престолу могилевский архиепископ Э. М. фон дер Ропп, который в письме апостольскому визитатору в Польше и Литве и будущему апостольскому нунцию в Варшаве Ахиллу Ратти (1857 – 1939) летом 1918 г. сообщил: «*Потрясения в России принесли нам одну неоценимую вещь – свободу культа и свободу пропаганды. Казалось бы, что ничего другого и пожелать нельзя, однако реальная ситуация настоящему плачевная*» [Chenux, 2012, s. 36]. О тяжелой ситуации в религиозной жизни страны А. Ратти был проинформирован П. Гаспарри 21 октября 1918 года. Недостаток информации в распоряжении Святого Престола в 1918 г., различные оценки и разные ожидания, не позволяли представителям Ватикана сформировать верное представление о политической, религиозной и социальной ситуации в России, основанное на глубоком и полном анализе ситуации. Тем не менее, иерархи Святого Престола

пришли к заключению о необходимости направления в Россию миссионеров, которые подвигли бы местное население к вере, обеспечили его религиозной литературой, проводили бы таинства [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 349, f. 61, Ratti Gasparrimu 21. 10. 1917].

Недостаточная информированность Святого Престола о происходящем в России или скорее даже нереальные ожидания, связанные с распространением католицизма на фоне упадка традиционного русского православия привели к недооценке грядущего коммунистического господства. Изменения в России воспринимались как качественный переход от старого русского самодержавия к *светлому будущему* – ведь, по сути, коммунизм уничтожил силы, препятствовавшие ранее распространению католицизма в стране [Chenux, 2012, s. 15, 21-22, 31]. Более того, как и многие европейские правительства, руководство Ватикана считало диктатуру большевиков явлением временным и верило в ее скорое падение. Несмотря на осведомленность о материалистической и атеистической сути большевизма, новый режим в начале своего существования не воспринимался как непосредственная угроза католической церкви на европейском континенте. Впрочем, наличие в большевистских органах управления большого количества евреев вызывало определенные опасения по поводу возможного мирового «жидо-большевистского или жидомасонского заговора» против католической церкви [Mogozzo della Rocca, 1990, s. 158].

По мнению некоторых церковных иерархов, *еврейская угроза* представляла собой причину всех бед России. Так секретарь апостольской нунциатуры Л. Шиоппа в докладе государственному секретарю в апреле 1918 года писал: «*Русская революция принципиально является делом евреев и основана на мировом господстве еврейства. Правительство большевиков вне опасности. Оно придерживается умеренного подхода. С другой стороны, буржуазия лишена власти, и граждане не имеют ничего против нового правительства*» [AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 345, f. 30, Schioppa Gasparrimu 6. 4. 1918]. Четырьмя годами позднее генерал ордена иезуитов Влодзимеж Ледуховский (1866 – 1942) писал: «*Мы должны понимать, что современное революционное правительство в России возникло вовсе не по сложившимся в стране экономическим и социальным предпосылкам, как это было в других революциях. Здесь речь идет о чуждом еврейском правительстве, опирающемся на развитую международную организацию, целью которой является уничтожение христианской цивилизации и обеспечение абсолютной мировой власти израильтяков*» [Chenux, 2012, s. 17]. Еще один пример его же высказывания: «*Необходимо постоянно помнить о том, что современное революционное правительство в России не является продуктом социальных или экономических условий. Это правительство иностранное, еврейское, с международной организацией, ставящей своей целью уничтожение христианской цивилизации и обеспе-*

чение евреям абсолютного мирового доминирования» [AA. EE. SS., Russia, IV periodo, fascioli 13, ff. 74-77, Ledóchowski Gasparrimu 13. 5. 1922]. Папы Бенедикт XV и Пий XI с данной теорией, однако, были не согласны.

Первые дипломатические контакты между большевиками и Святым Престолом состоялись только в начале 1919 г., когда 3 февраля папа Бенедикт XV через апостольского нунция в Варшаве А. Ратти обратился к председателю российского правительства В. И. Ленину. Не дождавсь от В. И. Ленина никакого ответа, Бенедикт XV 12 марта 1919 г. повторно обратился к нему через государственного секретаря П. Гаспарри. Ответ Ленина, подписанный министром иностранных дел Георгием Васильевичем Чичериным (1872 – 1936) привел представителя Святого Престола в замешательство: *«Хочу заверить Вас, что надежные источники, о которых Вы говорите, ошибаются, – писал Ленин. – После отделения церкви от государства в России вера стала сугубо личным вопросом. Совершенно неверно говорить о каких-либо преследованиях церковно-служителей. В нашей стране не происходит ничего такого, что было бы необычно в отношении православной церкви во времена власти католиков. Поскольку Вы несколько интересуетесь вопросами веры, нужно сказать, что ранее католическая церковь причисляла тех, кого сейчас называет православными, к еретикам и схизматикам. Могу заверить Вас, что ни один священник данного вероисповедания не страдает за свои религиозные убеждения...»* [Stehle, 1981, s. 22]. Ответ был настолько шокирующим, что папа Бенедикт XV 2 апреля 1919 г. опубликовал данное письмо на страницах *L'Osservatore Romano*.

В 20-х гг. XX века Святой Престол несколько раз пытался установить отношения с коммунистической Советской Россией. В середине десятилетия в Берлине прошли переговоры между апостольским нунцием в Германии Евгеном Пачелли (1876 – 1958)

и советским послом в Берлине Николаем Крестинским (1883 – 1938), зашедшие в итоге в тупик. Несмотря на это, Святой Престол не отступил и не смирился с религиозной ситуацией в России, в 1925 г. Ватикан направил в Советский Союз французского иезуита и префекта Папского восточного института в Риме Мишеля д'Эрбиньи (1880 – 1957), задачей которого было обновление духовной жизни в России. Через год, однако, д'Эрбиньи по распоряжению советского правительства был выслан из страны. Ватикан по-прежнему не оставался в стороне от происходящего в Советском Союзе, стараясь наладить диалог с коммунистической властью. Это, однако, уже совсем другая история.

Выводы. Основываясь на дипломатических отчетах, которые связаны с событиями на рубеже 1916/1917 гг. и поступили от различных апостольских нунциатур в Западной Европе, в исследовании рассматриваются политические и экономические изменения в России. Следует подчеркнуть, что падение династии Романовых дало ватиканским кругам надежду на то, что ближайшее будущее ослабит православие, традиционную поддержку царского режима, так что некоторые кардиналы римской курии даже открыто рассматривали обращение России в католицизм. После государственного переворота осенью 1917 г. большевики начали антицерковный террор, который был направлен на католическую иерархию, которую они назвали наднациональной духовной сверхдержавой, отвергающей коммунизм. Церкви и монастыри по всей стране были разграблены и постепенно закрыты, их жители оказались либо на эшафотах, либо, в лучшем случае, в тюрьме. К концу 1918 г. более 3000 священников и верующих из всех христианских церквей были убиты по приказу большевистского правительства. Религия была заменена материализмом, и атеизм стал новой верой.

Список использованных источников

- Archivio Storico. Sezione per i rapporti con gli stati (Segreteria di Stato), AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 17, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 24. 1. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 19, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 27. 1. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 52, Aversa Gasparrimu 9. 2. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 343, f. 55, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 17. 3. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 344, f. 4, Aversa Gasparrimu 25. 3. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 344, f. 20, Marchetti Selvaggiani Gasparrimu 2. 6. 1917, resp. f. 25, Pacelli Gasparrimu 2. 7. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 345, ff. 17-24, Schioppa Gasparrimu 1. 4. 1918.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 349, f. 61, Ratti Gasparrimu 21. 10. 1917.
- AA. EE. SS., Russia, III periodo, fascicolo 345, f. 30, Schioppa Gasparrimu 6. 4. 1918.
- AA. EE. SS., Russia, IV periodo, fascioli 13, ff. 74-77, Ledóchowski Gasparrimu 13. 5. 1922.
- Babiuchová, Jolanta, Luxmoore, Jonathan, 2003. Vatikán a rudý prapor. Boj o duši východní Evropy, Praha.
- Bahounek, Jiří, 1991. Sociální učení církve, Brno.
- Becker, Winfried, 2006. Sowjetische Religionspolitik und Vatikanische Hungerhilfe für Russland. Deutsche Aussenpolitik zwischen Moskau und Rom 1920 – 1929 In: Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Atti del secondo Simposio organizzato dal Pontificio Comitato di Scienze Storiche e dall'Istituto di Storia Universale dell'Accademia Russa delle Scienze, ed. Massimiliano Vaticano, s. 186.
- Benedikt XV., I. okružní list „Ad beatissimi apostolorum principis cathedram arcano“.
- Bock, Nicholas, 2008. Russia and the Vatican on the Eve of the Revolution, *Woodstock Letters* 90, 1961, č. 4.
- Bullock, Alan, *The Russian Civil War 1918 – 22*, Oxford.
- Chenau, Philippe, 2012. Katolická církev a komunismus v Evropě (1917 – 1989). Od Lenina k Janu Pavlu II., Praha.

- Doria, Piero, 2006. La documentazione vaticana sui rapporti Santa Sede-Russia (1917 – 1919) In: Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Atti del secondo simposio organizzato dal Pontificio comitato di scienze storiche e dall'Istituto di storia universale dell'Accademia russa delle scienze, Vienna, 25-30 aprile 2001, ed. Massimiliano Valente, Vaticano.
- Dunn, Dennis J., 2017. The Catholic Church and Soviet Russia, 1917 – 1939, New York.
- Engel-Jánosi, Friedrich, 1960. Österreich und der Vatikan 1846 – 1918, II. (1903 – 1918), Graz-Wien-Köln.
- Grajewski, Andrzej, 1997. Rusko a kříž. Z dějin pravoslavné církve v SSSR, Praha.
- Hachey, Thomas E., 1972. (ed.), Anglo-Vatican relations, 1914 – 1939. Confidential annual reports of the British ministers to the Holy See, Boston.
- Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien, Fond Politische Berichte IX, Karton 255, Schönburg-Hartenstein 30. 3. 1917
- Karlov, Jurij E., 2006. *La Russia e il Vaticano tra il febbraio e l'ottobre 1917. Un'occasione storica perduta* In: Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Atti del secondo Simposio organizzato dal Pontificio Comitato di Scienze Storiche e dall'Istituto di Storia Universale dell'Accademia Russa delle Scienze, ed. Massimiliano Valente, Vaticano.
- Kownacki, Robert P., 1991. Catholic Social Thought. From Rerum Novarum to Centesimus Annus, *The Ecumenical Review* 43.
- Krejčí, Oskar, 2017. Geopolitika Ruska, Praha.
- Lee, Stephen J., 2003. Lenin and revolutionary Russia, London-New York.
- Lora, Erminio – Simionati, Rita, 1997. (eds.), Enchiridion delle Encicliche, III (Leone XIII) 1878-1903, Bologna.
- Mikrut, Jan, 2017. I cattolici polacchi nell'Impero russo e nei primi anni dell'URSS In: *La Chiesa cattolica in Unione Sovietica. Dalla Rivoluzione del 1917 alla Perestrojka*, ed. Jan Mikrut, Verona.
- Modesto, Pietro, 1969. Pio XI e la Russia In: Pio XI nel trentesimo della morte (1939 – 1969). Raccolta di studi e di memorie, ed. Carlo Confalonieri, Milano.
- Morozzo Della Rocca, 1990. Roberto, Santa Sede e Russia rivoluzionaria In: *Benedetto XV e la pace – 1918*, ed. Giorgio Rumi, Brescia.
- Paolini, Gabriele, 2008. Offensive di pace. La Santa Sede e la prima guerra mondiale, Firenze.
- Payne, Stanley G., 1996. A history of fascism 1914 – 1945, Wisconsin.
- Pollard, John F., 2001. Il Papa sconosciuto. Benedetto XV (1914 – 1922) e la ricerca della pace, Milano.
- Pospíšil, Ctirad Václav, 2015. (ed.), Antitotalitní encykliky. Pius XI., Praha.
- Riccardi, Andrea, 1990. Benedetto XV e la crisi della convivenza multireligiosa nell'impero ottomano In: *Benedetto XV e la pace – 1918*, ed. Giorgio Rumi, Brescia.
- Service, Robert, 2002. Lenin. Životopis, Praha.
- Scottà, Antonio, 2009. Papa Benedetto XV. La chiesa, la grande guerra, la pace (1914 – 1922), Roma.
- Stehle, Hansjakob, 1981. The Eastern Politics of the Vatican, Athens.
- Valiani, Leo, 1985. La dissoluzione dell'Austria-Ungheria, Milano.
- Veber, Václav, 2000. Mikuláš II. a jeho svět. Rusko 1894 – 1917, Praha.
- Veber, Václav, 2003. Leninova vláda. Rusko 1917 – 1924, Praha.
- Zubov, Andrej, 2014. Dějiny Ruska 20. století, I. (1894 – 1939), Praha.

SUMMARY

THE HOLY SEE AND THE COMING TO POWER OF THE BOLSHEVIKS IN RUSSIA IN 1917

Marek Šmíd

Doctor of Philosophy, Docent; of the Department of Ecclesiastical History
and Literary History of Charles University, Prague

The study Holy See and the rise of the Bolsheviks to power in Russia in 1917 deals with the relationship between the Holy See and Russia in the time of Bolshevik revolution. With the knowledge of materials of the Vatican Archives and foreign literature, it reconstructs the view of the Vatican representatives on the revolutionary events in the Eastern Europe, which have changed not only Russia itself but also the world of the 20th century. After the abdication of Tsar Nicholas II in March 1917, the Provisional Government, which came to power, failed to cease the general disintegration and disruption of Russian society. After a brief intermezzo in November of the same year, an uprising broke out in St. Petersburg, overthrew the interim government and brought the Bolsheviks, led by V. Lenin, to power. Based on the diplomatic reports, which are related to the events at the turn of 1916/1917 and come from the various apostolic nunciatures in Western Europe, the study goes through the political and economic changes in Russia. It is to emphasize that the fall of the Romanov dynasty gave the Vatican circles the hope that the near future would weaken Orthodoxy, the traditional support of the tsarist regime, so that some Roman Curia cardinals even openly considered Russia's conversion to Catholicism. After the coup d'état in the autumn of 1917, the Bolsheviks launched an anti-church terror, which openly unleashed the Catholic hierarchy, which they described as a supranational spiritual superpower rejecting communism. Churches and monasteries all over the country were looted and gradually closed, their residents ended up either on scaffolds or – at best – in prison. By the end of 1918, more than 3,000 priests and religious of all Christian churches had been murdered under the orders of the Bolshevik government. Religion was replaced by materialism and atheism became a new faith. In fact, the lack of information about what was happening in the country led to the underestimation of the incoming Communist manor by the Holy See, or rather to the unrealistic expectations

of the spread of Catholicism in the area where traditional Russian Orthodoxy had declined. Moreover, the Vatican representatives, like many European governments, considered the Bolshevik dictatorships in Russia to be temporary and believed in its early fall. Although well aware of its materialistic and atheistic nature, they did not regard it for a long time as an imminent threat to Catholicism on the European continent at the time of its inception.

Keywords: *Bolsheviks, Catholicism, Holy See, Roman Curia, Russian Orthodoxy, Vatican.*